

Источник: Павлов Г. Снисходительность / Г. Павлов // Нева. — 1960. — № 7. — С. 195-197.

СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ¹

Кто больше всего читал журнал «Молодая гвардия» в конце прошлого года? Пожалуй, учителя всех возрастов. Это понятно: в октябрьском номере журнала начал печататься роман Владимира Тендрякова о школьной перестройке. Каковы же результаты работы уважаемого и смелого писателя в области темы, которая для литератора и целина и золотая жила? Результаты получились самые неожиданные.

В романе описана такая ситуация: в сельской школе два учителя-поватора борются с консерватором директором. Преподаватель русского языка Андрей Васильевич Бирюков разработал новый метод ведения урока. Суть этого метода — ученик отвечает урок не учителю, а другому ученику. Мы должны огорчить Бирюкова: его метод не нов. Такой прием описан в методиках и давным-давно применяется на уроках. Но применяется изредка и под наблюдением учителя. А Бирюков заполняет таким «самопросом» каждый урок от звонка до звонка. (Класс делится на пары, которые, несомненно, мешают друг другу.) Однако в таком случае прав старый директор. Вопиющая безграмотность учеников станет результатом подобной системы обучения. Почему? Да потому, что пятиклассник никак не сможет без помощи учителя всесторонне оценить и поправить ответ товарища. Потому что учитель при всем желании не сможет контролировать работу, скажем, тридцати учеников, одновременно «опрашивающих» друг друга. Эти «потому что» можно продолжать.

А вот что проповедует Горбылев, поощряемый сочувственным вниманием Бирюкова: «Разве нельзя переложить учебники на узкую пленку? Нельзя заставить мультимпликаторов объяснять диффузию материалов или битву под Бородином?» «Государству приходится держать целые армии Иванов Кузьмичей, Акиндинов Акиндиновичей, учителей полуобразованных, нетворческих, с грехом пополам знающих свой предмет». Только невежественные прожектеры могут думать, что техника кино способна полностью вытес-

нить живое слово учителя, воспитателя. Только самовлюбленные эгоисты могут с таким высокомерием отзываться об «армиях» своих товарищей по работе.

Эгоизма хоть отбавляй у Бирюкова. Еще в институте он твердит себе: «Ты должен встать рядом с лучшими, и только там твое место. Ведь когда институт будет окончен и наш курс выйдет в люди, то даже наши лучшие из лучших, вроде Эммы Барышевой, окажутся где-то в середине». Семь лет живет Андрей Васильевич с мешанкой-женой и не делает даже попытки перевоспитать ее, ему возле Тони удобно жить, по собственным словам.

А чего стоят отношения Бирюкова и Валентины Павловны! Муж Валентины Павловны, секретарь райкома Ващенко, настаивает, чтобы жена съездила в город отдохнуть — благо есть попутчик, Бирюков. Андрей Васильевич с Валентиной Павловной едут в город, и здесь, в номере гостиницы, который заботливый Ващенко выхлопотал для жены, па несколько дней находят то, что Бирюков деликатно называет «неверным счастьем», а его первая жена Тоня безо всякой деликатности именует «тайным сожителем». Вернувшись домой, Валентина Павловна и Бирюков долго скрывают случившееся, лгут Тоне, Ващенко, знакомым. При этом Андрей Васильевич в качестве друга семьи по-прежнему бывает в доме Ващенко. Автор видит в поведении Бирюкова доказательство утонченной сложности его души. Что же касается нас, то мы решительно присоединяемся к тем грубым натурам, «отрицательным героям» романа, которые не могут понять этой утонченности и видят в ней простую подлость.

А каким эгоистичным, слабовольным и жалким оказывается Андрей Васильевич впоследствии! То, что Бирюков оставляет жену и дочь, конечно, не похвально. Но бывают в жизни иногда по-настоящему сложные обстоятельства, которые делают разрыв в семье неизбежным. В таких случаях долг мужчины — тщательно проследить все возможные последствия этого шага, взвалить на свои плечи большую часть трудностей, избавиться от этих трудностей, насколько возможно,

¹ Вл. Тендряков. За бегущим днем. «Молодая гвардия», № 10, 11, 12 за 1959 год.

остальных членов семьи. И на это Бирюков оказался неспособным. Он то уходит к Валентине Павловне от Тони, то возвращается к первой жене, доводя всем этим до болезненного, нервного состояния и маленькую дочурку и обеих женщин.

В образе второй жены Бирюкова, Валентины Павловны, автор, вероятно, хотел показать недюжинного человека, настойчиво ищущего свое призвание. А кого видит читатель? Жenu, которая бессовестно обманывает мужа, глядя ему в глаза. Мать, которая имела уйму свободного времени, но так дурно следила за здоровьем дочери, что не уберегла ее от туберкулеза и смерти. Женщину, которая, прожив на свете три с половиной десятка лет, так и не нашла себе дела по душе и почти всю жизнь живет интеллигентной бездельницей. Нет, это, пожалуй, образ «культурной» мещанки. Неумение трудиться для общества, себялюбие роднят Валентину Павловну с Тоней, которую автор представил читателю как мещанку «некультурную». Но если Валентина Павловна немногим отличается от Тони, то весь любовный конфликт Бирюкова представляется интригой пошлого ловеласа, ищущего разнообразия. Тем более что в отзывах Андрея Васильевича о своей первой жене подчеркивается мотив физического пресыщения: «...Я ее ненавижу за широкие бедра, туго обтянутые юбкой, за покато опущенные плечи, за все ее тело со знакомыми, надоевшими щедротами».

Чтобы вызвать сочувствие читателя к Бирюкову, Вл. Тендряков подробно описывает страдания своего героя. Подобно типичному дореволюционному интеллигенту, Андрей Васильевич предается бесплодному самобичеванию, часто называет себя «предателем». Напившись, он слоняется в таком виде по улице, нимало не заботясь о том, какое влияние будет иметь этот пример на учеников, которые, по уверению автора, боготворят своего учителя. Но все это вызывает не сочувствие, а презрение к жалкому герою. Выразительно характеризует и Бирюкова и Горбылева сцена их ссоры. В этой сцене один педагог называет женщину «юбкой со смазливой рожницей» и «комнатной болонкой», а второй бьет коллегу «по зубам», что впрочем не мешает «новаторам» вскоре опять подружиться.

И Валентина Павловна, и Бирюков, и Горбылев чувствуют себя одинокими. Правда, в последних главах романа мы узнаем, что карьеристка Коковкина из района стала благоволить к «новаторам», добилась назначения Бирюкова завучем, Горбылева — директором школы. Не лестная поддержка. Если бы Бирюков и Горбылев были принципиальны, в частности непримиримы к карьеризму Коковкиной, не получили бы они такой помощи.

Горбылеву с Бирюковым противостоит директор Степан Артемьевич Хрустов, по аттестации автора, — сухарь и консерватор. Но в чем же консерватизм Хрустова? В том, что Степану Артемьевичу не нравятся нелепые нововведения двух «новаторов»? Правда, Бирюков, от лица которого

ведется повествование, сообщает: Хрустов, выступая на педсовете, в принципе отвергает всякие поиски новых педагогических путей. По этим сообщениям просто не веришь. Настоящий консерватор не такой уж глупец, чтобы на педсовете заявить: «Товарищи, я рутинер!» В нашей школе, где поиски нового, передового — непреложный закон, консерватор неизбежно превращается в лицемера, который будет прятать за высокими словами свою лень и равнодушие. Когда же Хрустов «раздевается» на педсовете, — перед читателями тщательно вычерченная схема консерватора. Зато когда Тендряков начинает выписывать в образе Хрустова положительные стороны, призванные уравновесить отрицательную схему, тогда перед нами внезапно возникает живой старик, маленький, нахохлившийся, трогательно смешной в своей обиде на Бирюкова и автора, оговоривших его. Это директор, который отечески заботится о быте своих учителей, советуется с коллективом по всем важным вопросам. Это хороший семьянин и человек, который, рискуя здоровьем, жизнью, спас дочь своего недруга Бирюкова. Хрустов обаятелен. Однако, может быть, мы ошибаемся в оценках, данных Степану Артемьевичу. Тогда обратимся к более авторитетному мнению. «Учителя всех школ, как молодые, так и старые, относились к нему, как обычно относятся ученики к своему не в меру строгому, но справедливому наставнику». Не может быть, чтобы коллектив учителей целого района в течение десятилетий ошибался в человеке, вся жизнь которого на виду у всех.

Можно привести еще много примеров, рисующих и Горбылева, и Бирюкова, и Хрустова. Но нам кажется, что картина уже ясна: «отрицательный герой» Тендрякова, вопреки воле автора, имеет больше прав на сочувствие читателя, чем «положительные» его герои. Этого бы не случилось, если бы автор глубоко знал ту область жизни, о которой взялся писать.

Если художник, изображающий школьную перестройку, хочет быть правдивым, он должен убедительно заявить, что великую перестройку творят массы — массы учителей, общественников, рабочих и колхозников, помогающих педагогам учить детей по-новому, что победами в деле перестройки школы мы обязаны вдохновенному и дальновидному руководству партии. Но об этом, о главной стороне дела в произведении Тендрякова по существу ничего не сказано.

Родительскую общественность представляет в романе неудачница Валентина Павловна, которая ворчит на школу, но сама не в состоянии справиться с воспитанием единственной дочери; печать — перестраховщик Клешнев; органы народного образования — наглые карьеристы Коковкина и Столбцов; педагогическую науку — тупые догматики Краковский и Никашаев. Секретарь школьной партийной организации Олег Владимирович во всех важных вопросах жизни школы «по своему обыкновению ничего не предпринимал»,

такова же позиция всей школьной партийной организации.

И уж совсем неясно, зачем понадобился автору надуманный образ секретаря райкома Ващенко. Ващенко не способен занять решительной позиции в деловых вопросах, в частности во время столкновения Хрустова и Бирюкова. Ващенко, по собственному признанию, «бессилен» перед бездарным редактором районной газеты Клешиным, силен перед женой, которую за пятнадцать лет не смог перевоспитать, и Бирюковым, который отнимает у него жену. После перевода Ващенко первым секретарем становится Кучин, тот самый Кучин, который, не потрудившись выникнуть в сущность конфликта, благодушно советовал Бирюкову «не лезть на рога» к влиятельному Хрустову.

Где же, спрашивается, те силы, которые на самом деле двигают все дело школьной перестройки? В романе их нет.

Когда Тендряков оказывается не в ладах с правдой жизни, мастерство художника покидает его.

Слишком часто живое, образное повествование подменяется в романе бесстрастной скороговоркой или напыщенной риторикой.

Однако было бы несправедливым умолчать о том, что в романе есть немало превосходно написанных страниц. Сцены первомайской демонстрации, полета спутника выполнены с подкупающей теплотой... Лирические отступления пронизаны ощущением времени,

страстным ожиданием будущего. В этих сценах и в этих отступлениях появляется новый Андрей Бирюков, восторженный, чистый, смелый. И тогда с удивлением спрашиваешь: какое отношение имеет он к тому черствому себялюбцу, с которым нам приходится иметь дело в большинстве глав? Сочны сатирические образы чиновников Коковкиной и Столбцова. Умеет Тендряков находить экономные и красноречивые детали. Вот капризный «портфель», с которым не расстается Коковкина, портфель, не раскрывающийся, когда нужно, сам раскрывающийся, когда не нужно (тогда на пол летят «бумаги, газеты, недоеденные бутерброды»). И читателю уже ясен в какой-то степени характер Коковкиной.

Но удачные места не спасают всего произведения. «Снисходительность так же нужна, как и непримиримость, лишь бы то и другое употреблялось к месту», — утверждает Андрей Бирюков. В романе снисходительность «употребляется не к месту». Автор слишком снисходителен к своим героям, не замечая подлости и пошлости, снисходителен к себе, прощая и неверную точку зрения и неряшливость языка. Хочется верить, что в дальнейшей работе над произведением талантливый писатель будет менее снисходителен к себе и к своим героям.

*Г. Павлов,
завуч средней школы,
г. Асино Томской обл.*

ТРЕВОЖНЫЙ ВОПРОС

Статья «О песне и пении» А. В. Любимова, напечатанная в журнале «Нева» № 9 за 1959 год, поднимает чрезвычайно важные и назревшие вопросы.

Нельзя не согласиться с тем, что составляет главное содержание статьи: неблагоприятно положение в русских народных хорах, в особенности в самостоятельности, которыми нередко руководят люди, несведущие в вокальном искусстве.

Большим злом являются «карликовые хоры» из десяти — пятнадцати человек, обладающих однохарактерными голосами, поющие в унисон. Давно пора объединить их (по территориальному признаку), приучать к полифоническому (многоголосому) пению, решительно изменить положение, при котором излишне раздувается слава солистов в самостоятельных хорах.

Хор — коллектив. И выделение из его состава обласканных солистов наносит вред певческому воспитанию. Моя практика в московском Доме культуры «Научук» в течение 25 лет убедительно доказывает, что солист должен быть рядовым членом хорового кружка, которому иной раз поручается сольное пение. Разговоры о вреде пения для солистов в хоре — истинная чужь.

Всероссийскому хоровому обществу и Домам народного творчества следует предпринять практические меры для повышения квалификации педагогов-вокалистов.

Особое внимание привлекает в статье раздел «Вокальная школа». Верно, что, к сожалению, до сих пор нет единых основ вокального формирования певцов-актеров, что иные педагоги используют псевдоитальянские упражнения с целью извлечь звуки в манере «бельканто». Все это вызвано тем, что у нас мало пособий, основанных на научных достижениях в области вокального дела. Более того, методика и практика педагогов, в сущности говоря, бесконтрольны.

Формирование певца-актера — единый сложный психофизиологический процесс, и деление его на «постановку голоса» и собственно пение недопустимо. Уже давно многие вокалисты-педагоги нашей страны отошли от этой ошибочной точки зрения на воспитание певцов, но теоретические работы, написанные за последние годы на кафедрах наших вузов, попросту неизвестны широкому читателю. Музгиз считает опубликование таких работ нерентабельным. А Министерство